

*Е.И. Нестерова**

**Визит китайского посольства в Россию в 1870 г.
и перспективы развития русско-китайских
отношений (по материалам АВПРИ)**

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена малоизвестным фактам визита китайского посольства в Россию в 1870 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Бурлингейм, Чжи Ган, Сунь Цзягу, китайская миссия, русско-китайские отношения.

Во второй половине XIX в. практика налаживания и поддержания международных отношений Китая претерпевает значительные изменения. Так, в 1861 г. создаётся новое внешнеполитическое ведомство — Цзунли ямэнь, в 1862 г. открывается училище Тунвэньгуань, в котором преподавались иностранные языки и естественные науки; в 1864 г. на китайский язык впервые переводится европейский учебник по международному праву. Со второй половины 60-х гг. XIX в. Китай начинает посылать дипломатические делегации в европейские страны и США. Так, в 1866 г. китайское правительство впервые направляет в Европу дипломатическую делегацию, возглавляемую Бинь Чунем, посетившую девять стран, в том числе и Российскую империю.

Спустя четыре года в Россию прибывает вторая китайская дипломатическая миссия, во главе которой находились три человека: цинские сановники Чжи Ган, Сунь Цзягу и американский дипломат

* Нестерова Елена Ивановна, к.и.н., доцент кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, Москва, Россия; E-mail: blb1@mail.ru

А. Бурлингейм¹, занимавший в течение шести лет пост посланника США в Китае [4, с. 9]. Позицию А. Бурлингейма по отношению к порученной ему миссии прекрасно иллюстрирует письмо, отправленное государственному секретарю США У.Г. Сьюарду, в котором говорилось: «...если старейший народ в мире, который составляет одну треть человечества, в первый раз стремится самостоятельно установить отношения с Западом и просит об этом у самой молодой нации через своего представителя, такую просьбу невозможно отклонить» (цит по: [1, с. 87]).

В последние годы отмечается рост интереса к миссии Бурлингейма, о чём свидетельствуют новые публикации [2; 4; 5; 7]. Документы, хранящиеся в АВПРИ, позволяют посмотреть на это посольство не только через событийно-фактологический фокус, но и оценить объём информации, степень достоверности прогнозов, а следовательно, качество аналитического материала, которым располагала Российская миссия в Пекине.

О предполагаемом визите китайской делегации российскому МИДу стало известно в январе 1868 г. В ноябре 1867 г. российский посланник в Пекине А.Г. Влангали сообщил, что «китайское правительство решилось отправить посольство в Европу» [8, л. 1]. «Это внезапное и странное решение поразило всех нас...» (Письмо Влангали 11/23 ноября 1867 государственному канцлеру А.М. Горчакову) [8, л. 2].

Почему, с точки зрения российского посланника, китайское правительство остановилось на кандидатуре А. Бурлингейма? А.Г. Влангали видел несколько причин выбора. Во-первых, американский дипломат был свободен, т.к. срок его пребывания в Китае заканчивался, и он мог принять предложение о новом месте работы. Во-вторых, в американо-китайском трактате содержался пункт, согласно которому американцев при недоразумениях или столкновениях с другими иностранными державами. Во время работы А. Бурлингейма в Пекине китайцы несколько раз обращались к нему за помощью. Он «положил основание так называемой кооперативной политике в Китае, ограждающей автономию этой страны и от захватов иностранцами китайской территории» [8, л. 4]. В-третьих, «между своими они никого не находили могущим исполнить это поручение, между иностранцами, находящимися у них на службе, также никого» [8, л. 3об.].

¹ В отечественной литературе и источниках фамилия Burlingame представлена в нескольких вариантах: Бурлингейм, Бурлингем, Бэрлингем, Бёрлингем, Берлингем, Берлингейм. Автор будет придерживаться варианта Бурлингейм. (Согласно словарю А.И. Рыбакина: Берлингейм. — *А.К.*)

Сам факт отправки китайского посольства и выбор кандидатуры руководителя вызвали у российского представителя удовлетворение. «Здесьнее правительство втягивается в правильные сношения с иностранными государствами... Можно порадоваться тому, что выбор китайцев пал на человека умного, добросовестного, родом американца, понимающего хорошо здешние дела и очень к нам расположенного» [8, л. 4]. А.Г. Влангали отмечал, что у него сложились с Бурлинггеймом «дружеские и частые сношения» [8, л. 4об.].

На другой вопрос «Почему посольство вообще было послано?» А.Г. Влангали отвечал так: «Неоднократно случалось, что английские и другие иностранные представители, при свидании с князем Гуном и другими китайскими сановниками, твердили им о необходимости послать посольство к европейским дворам для того, чтобы ближе познакомиться с Европой» [8, л. 2об.]. Кроме того, это давало китайцам возможность самим представлять объяснения иностранным правительствам в случае несправедливых действий в Пекине иностранного представителя, тем самым обезопасив себя от военного и прочего вмешательства. Немаловажно, что, дав согласие на отправку посольства, «китайцы как бы открыто сознают равенство с ними других иностранных держав, а за тем вступив в правильные дипломатические сношения, не будут так упорны против прогресса. Действительно, во всех сношениях китайцев с иностранными представителями всегда проглядывала задняя мысль — отделаться как-нибудь от иностранцев... И обратиться к старинным порядкам. По состоявшимся торговым и другим связям Китая с иностранными государствами подобная мысль невозможна; некоторые сановники (к сожалению, очень малое число) это сознают, но все подпадают часто под общее чувство» [8, л. 2об.–3].

А.Г. Влангали отмечал, что в разговорах с ним высшие китайские чиновники часто высказывали мысль об отправке посольства, но их останавливало отсутствие людей знакомых с иностранными языками и европейскими обычаями. «Послать человека, говорили китайцы, который будет совершенно в руках молодого иностранного переводчика неудобно и не прилично, пользы от этого посольства никакой ожидать нельзя, а только незнанием местных обычаев и международных сношений между другими государствами посланный будет навлекать на себя общее внимание и, может быть, насмешки» [8, л. 3].

А.Г. Влангали акцентировал внимание канцлера на том, что в 1868 г. наступает время пересмотра англо-китайского договора и китайцы опасаются возможного внешнего давления. Во многом эти опасения спровоцировали отсылку посольства, которое «объяснило бы настоящее положение страны и отстояло бы по крайней мере те инте-

ресы, которые могут грозить внешнему миру империи» [8, л. 3об.]. Так как китайцы не очень доверяют иностранцам, А.Г. Влангали предполагал, что вряд ли этому посольству будет поручено что-то серьёзное. Цель посылки посольства с его точки зрения — поиск содействия императорскому кабинету в вопросах, составляющих предмет прений с другими иностранными государствами [8, л. 4–5об.].

«Первоначально предполагали дать г. Бурлингейму звание посла, подобно тому, как у японцев, но впоследствии решили остановиться на посланнике, т.к. с этим званием сопряжён меньший этикет», и как отмечал Влангали, «оно более согласно со скромным характером Бурлингейма» [8, л. 6]. Стоит отметить, что вопросы дипломатического этикета были чрезвычайно важны для китайцев. Как позднее конфиденциально сообщил французский поверенный Рошешуар, «Берлингаму поручено вручить свои грамоты Министрам Дворов, при которых аккредитован. Если выразят готовность дать аудиенцию, он обязан предупредить, что вследствие различий церемониалов китайское правительство не может обязаться взаимностью» [8, л. 83].

Помимо Бурлингейма в руководство миссии китайское правительство включило ещё двух уполномоченных — китайца Чжи Гана и маньчжура Сунь Цзягу. «Оба они заведовали отдельными частями в министерстве иностранных дел: Чжи-ган сношениями с русскими, а Сунь Цзягу с американцами» [8, л. 5об.]. А.Г. Влангали заметил: «При том, самолюбие китайцев может быть более удовлетворено назначением уполномоченных из своей среды» [8, л. 6].

Влангали так охарактеризовал китайских дипломатов: «Первый из них довольно бойкий, живой, любознательный и вообще производит приятное впечатление, второй же — мало известен и пользуется репутацией человека соглашавшего. Оба эти сановника охотно едут и министерство было довольно желанием Чжи, потому что ему одному известны наши дела и в случае надобности он мог хотя бы что-нибудь сказать о них» [8, л. 5об.].

Включение в руководство посольства дипломата, специализировавшегося на китайско-русских делах, очень показательно. Влангали отмечал, что китайцы не доверяют дела с нами иностранцам, даже начальник таможен в открытых портах Р. Харт, «пользующийся большим доверием китайских сановников, никогда не знал ни о подробностях Илийского восстания, ни о других вопросах, возникающих на нашей границе» [8, л. 5об.].

Российский дипломат, оценивая перспективы возможных российско-китайских переговоров, высказал мнение, что посольству вряд ли будут поручены важные дела в Петербурге, оно будет искать «только содействия императорского кабинета в вопросах, составляющих предмет прений с другими государствами» [8, л. 5об.].

В миссию китайцы пригласили ещё двух иностранцев: драгомана английского посольства, хорошо знавшего китайский язык, М.Л. Брауна и француза де Шана, имевшего опыт подобного рода поручений, т.к. несколькими годами ранее (в 1866 г.) он побывал в составе посольства Бинь Чуня в Петербурге. Кроме того, миссию сопровождали шесть студентов из училища при китайском МИДе: двое изучали английский язык, двое — французский, ещё двое — русский. Предполагалось, что студенты останутся в стране изучаемого языка на год для усовершенствования навыков. Влангали констатировал, что молодые люди, изучающие русский язык, «изъясняются по-русски так, что могут в короткое время сделать порядочные успехи» [8, л. 7].

Среди уполномоченных существовало разграничение функций: А. Бурлингейму было поручено ведение всех дел и переговоров с иностранными кабинетами; т.к. Бурлингейм не знаком с китайскими языком и официальным способом изложения, принятым в Китае, то Чжи Ган и Сунь Цзягу должны были докладывать в Пекин о ходе переговоров.

Первой страной, принявшей посольство, были США. В начале 1868 г. миссия отплыла из Шанхая на пароходе в Сан-Франциско, а затем направилась в Вашингтон. 28 июля 1868 г., во время пребывания в Вашингтоне, китайская миссия подписала новый договор с США, впервые затронувший вопрос об иммиграции китайцев в США. Данное соглашение, известное как договор Бурлингейма–Сьюарда, или Вашингтонские дополнительные статьи, предоставляло Цинской империи режим наибольшего благоприятствования в американо-китайской торговле.

«Как бы то ни было, но договор, подписанный в Вашингтоне, хотя и не заключающий ничего нового, придаёт некоторое значение Посольству г. Бурлингема и увеличивает надежды его в том, что к приёму при европейских дворах посольство это встретит уже менее затруднений» [8, л. 50].

Европейские дипломаты в Пекине скептически отнеслись к бескорыстной и прогрессивной позиции США, заключивших с Китаем равноправный договор. «По мнению г. Рефуса, разделяемому нашими французскими и английскими коллегами, цель американцев захватить в Китае всё в свои руки и быть, так сказать, посредниками между китайцами и иностранцами. Это положение невыгодно в двояком отношении: 1) всякий желает принимать долю участия в цивилизации этой страны или лучше во введении в ней железных дорог, телеграфов, в разработке каменноугольных копей и других промышленных предприятий; 2) потому что ведение дел китайским правительством делается ещё затруднительнее теперешнего. Сверх

того, коллеги мои полагают, и не без основания, что положение иностранных представителей здесь далеко не такое, какое бы оно должно быть, и что ведение переговоров помимо их послужит лишь к уменьшению их значения, что неминуемо отзовется на все дела и сношения с Китаем» [8, л. 62].

Завершив переговоры в США, миссия Бурлингейма направилась в Европу. Маршрут пролегал через Великобританию, Францию, Швецию, Данию, Пруссию, Нидерланды, Бельгию, Российскую империю, Испанию.

На встрече с английским министром иностранных дел Джорджем Кларендоном Бурлингейм так определил задачи, возглавляемой им миссии: «Во-первых, показать иностранным державам желание китайского правительства идти путём прогресса и большего сближения с Западными державами. Во-вторых, убедить последних не быть очень требовательными к скорости введения новых идей и систем в стране, лишь только недавно познакомившейся с иностранцами, имеющей укоренившиеся веками свои особенные понятия, быстрое столкновение с которыми может произвести в народе революцию и уничтожить старания правительства, вполне признающего необходимость прогресса, привить его к стране исподволь, не задевая народные страсти и верования» [8, л. 78об.–79].

Несмотря на усилия Бурлингейма, ни в одной европейской стране не удалось заключить соглашение, сопоставимое по значимости с американо-китайским. Отчасти неудача миссии Бурлингейма в европейских странах, по сведениям российских дипломатов, была связана с тихим саботажем европейских послов в Пекине.

Так, прусский посланник в США, отправляя в Берлин текст американо-китайского договора, предложил заключить аналогичную конвенцию. Однако прусский посланник в Пекине отнёсся к этой идее крайне отрицательно [8, л. 61]. Английский посланник в Пекине Рутерфорд Алькок, комментируя приём китайской делегации в Лондоне, сообщил А.Г. Влангали, что британское правительство не намерено заключать никаких трактатов, т.к. все «предметы текущих переговоров находятся в руках здешнего (т.е. находящегося в Пекине. — *Е.Н.*) британского посланника» [8, л. 79об.].

Влангали отмечал: «Общее впечатление, произведённое этим договором на всех иностранных представителей в Пекине, состоит в том, что Бурлингейм, опасаясь, чтобы не приняли недостаточно серьёзно вверенное ему посольство, хотел доказать, что он снабжён достаточными полномочиями для ведения переговоров и заключения дополнительных трактатов. Если это обстоятельство склонит Европейские Правительства войти по разным вопросам в непосредствен-

ные переговоры с Бурлингеймом и заключать с ним договоры, то тогда иностранные посланники здесь потеряют всё своё значение, ибо китайцы для выигрывания времени будут все несколько более важные дела обращать к своему представителю» [8, л. 49об.].

Несмотря на противоречивое отношение к миссии Бурлингейма, российский МИД, учитывая присутствие в делегации специалиста по России, подготовил программу вопросов для обсуждения на возможных переговорах. Весь круг вопросов можно разделить на несколько блоков. Первый был связан с общеевропейскими сюжетами. Прежде всего, это вопрос о статусе поселений европейцев в Китае — сэтльментах. Как отмечали российские дипломаты, в последнее время наблюдалась тенденция рассматривать европейские поселения вне китайской юрисдикции: «с особой последовательностью старались развивать мысль о том, что французская концессия в Шанхае есть не что иное, как французская колония» [8, л. 108].

Несмотря на то, что число проживавших в Китае подданных Российской империи было невелико, дипломаты отмечали: «Для нас вопрос этот имеет только второстепенное значение, но он не может быть совершенно устранён нами, т.к. уже теперь несколько русских семейств имеют оседлость в Тяньцзине и Ханькоу» [8, л. 108об.].

Было признано, что в этой ситуации России выгодно поддержать право китайцев на осуществления полной юрисдикции на своей территории, т.к. «право вземельности для наших подданных ясно оговорено трактатами, и если возникнет русская концессия, то наши подданные в любом случае ограждены от китайского произвола» [8, л. 108об.].

Второй блок вопросов связан с эмиграцией китайцев. Эмиграция рассматривалась в двух аспектах — добровольный выезд из Китая и вербовка кули. Что касается первого, то российский МИД в тот момент придерживался позиции, которая вскоре изменится на 180 градусов. «Водворение в наших пределах, преимущественно на окраинах Азиатской России, в Приморской области и восточной части Киргизской степи трудолюбивых китайцев-земледельцев было бы очень желательно. Генерал-губернатор уже не раз возбуждал вопрос о привлечении в Амурский край китайцев обоого пола. Разрешение этого вопроса послужило бы также к разьяснению положения выходцев из Западного Китая по случаю дунганского восстания» [8, л. 109].

Позиция по вопросу вербовки кули, солидаризировалась с позицией, изложенной в пятой статье американо-китайского соглашения, заключённого Бурлингеймом. В ней подтверждалась свобода миграции китайцев в США и американцев в Китай. Обе стороны признали в качестве одного из неотъемлемых прав человека его

право переехать в другую страну и гарантировали китайским гражданам «такие привилегии-иммунитеты в отношении въезда в США и проживания там, которые могли бы быть предоставлены гражданам государства, пользующегося режимом наибольшего благоприятствования» [6, с. 38]. Эта статья была направлена против вербовки кули. Комментируя этот пункт, А.Г. Влангали отмечал, что позиции США и России по данному вопросу схожи — обе страны выступали против такой практики.

Заметим, что 19 февраля 1862 г. Конгресс США запретил американцам заниматься как вербовкой, так и транспортировкой китайских эмигрантов в силу того, что организация этого дела очень напоминала осуждённую ранее торговлю неграми. В 1866 г. аналогичное решение приняла Россия [3, с. 352].

Третий блок вопросов касался экономических интересов России в Китае. В качестве проекта, осуществление которого возможно в ближайшем будущем, предлагалось обсудить вопрос о строительстве телеграфа. Ещё в 1861 г., раньше других государств, российские дипломаты в Пекине предлагали соединить сибирский телеграф с китайскими портами. Было получено обещание, что если уж дело дойдёт до строительства телеграфа, то русские первые смогут приступить к его строительству между Пекином и Тяньцзинем. «Имеет смысл поспешить в проведении телеграфа, т.к. если проведём линию по Монголии до китайских портов, то вся европейская корреспонденция пойдёт по нашим линиям, если отложить, то могут быть реализованы альтернативные проекты: сухопутный из Индии, подводный между Гонконгом и Сингапуром» [8, л. 111]. Рассматривалась возможность и другого варианта, предложенного англичанином Дунном, — из залива Посьет в Японию и вдоль по китайскому берегу [8, л. 112].

Зимой 1870 г. миссия Бурлингейма прибыла в Санкт-Петербург. «Министерство Императорского Двора, проведя консультации с Министерством иностранных дел, приняло решение организовать приём китайской делегации в соответствии с нормами, применявшимися при приёме высокопоставленных европейских посольств, тем самым высоко оценив значимость прибытия делегации из Китая. 4 (16) февраля 1870 г. состоялась аудиенция в Зимнем дворце, в ходе которой А. Бурлингэм и китайские дипломаты были представлены императору Александру II» [4, с. 10].

«Несмотря на многообещающее начало, визит завершился трагедией. А. Бурлингэм простудился, тяжело заболел и 11 (23) февраля 1870 г. скончался от воспаления лёгких в гостинице Клея. <...> Руководство миссией полностью перешло в руки Чжи Гана <...>. Связавшись по телеграфу с Пекином, Чжи Ган и Сунь Цзягу получили

указание не только не прерывать свой визит в Петербург, но и посетить все запланированные страны» [4, с. 10]. Пребывание китайской делегации в Петербурге продолжалось более двух месяцев. Это время было заполнено не только визитами, осмотром достопримечательностей, но и деловыми встречами. Рабочие встречи начались ещё при жизни Бурлингейма, продолжились они и после его смерти. Директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов в докладной записке государственному канцлеру от 28 марта 1870 г. сообщал, что Бурлингейм «стремился к убеждению всех держав, имеющих сношения с Китаем, отказаться от насильственных действий, от вмешательства во внутренние дела страны и слишком быстрого и резкого нарушения её законов и обычаев. Как на главные источники бедствий и затруднений для Китая он указывал на стремление Англии всеми мерами монополизировать всю торговлю и на попытки Франции приобрести преобладающее влияние посредством католических миссионеров» [8, л. 166–166об.]. С точки зрения Бурлингейма «задача развить и просветить Китай, исключительно путём постепенности и мирных сношений, должна принадлежать России и Америке. Сознывая благоразумие и правильность нашей политики относительно Китая, посланник желал только нашей нравственной поддержки этой стране и выразил полную готовность выслушать и поддержать в Пекине наши предложения для развития и упрочения торговли и пограничных сношений» [8, л. 166об.].

После смерти Бурлингейма вся тяжесть переговоров легла на плечи посланника Чжи, «потому что его товарищ Сун служит только послушным отголоском» [8, л. 166об.].

Чжи сообщил, что согласно инструкциям, полученным в Пекине, от других держав они должны были требовать отмены некоторых мер, вредных для Китая, как-то: торговля опиумом, вербовка кули, незаконные действия миссионеров, но что Россию им остаётся только просить и впредь следовать той дружественной политике, которая до сих пор направляла наши сношения [8, л. 167]. Когда П.Н. Стремоухов выразил желание обсудить с ними интересующие российскую сторону вопросы, китайские чиновники заявили, что они не уполномочены подписывать договоров и решать дела. Пришлось объяснять, что цель разговора — «откровенно побеседовать о делах, взаимно нас интересующих» [8, л. 167об.]. В итоге удалось обсудить ряд вопросов, однако они несколько отличались от первоначально намеченных: о строительстве телеграфа от Кяхты на Пекин и Тяньцзинь, о введении должности пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, о проблемах сухопутной торговли через Кяхту, о ситуации на западной границе.

В ноябре 1870 г. посольство вернулось в Китай. «Приём им был сделан чрезвычайно холодный: долго пришлось им ожидать аудиенции у Богдохана и у князя Гуна, и как говорят, показано было очень мало любопытства к совершённой ими путешеству» [8, л. 196].

Источники и литература

1. *Набока А.В.* Ансон Бурлингем и развитие американо-китайских отношений в 60-х годах XIX в. // Общество и государство в Китае. Т. XLVI, ч. 1. М.: ИВ РАН, 2016. С. 83–90. URL: <http://dspace.luguniv.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/2114/1/Naboka2016.pdf>
2. *Носков В.В.* Китайские церемонии в Зимнем дворце (приём миссии Берлингейма в 1870 г.) // Петербургский исторический журнал. 2015, № 3. С. 30–39.
3. *Пескова Г.Н.* Позиция России по вопросу о продаже и вывозе за границу китайских кули // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 340–377.
4. *Самойлов Н.А.* Визиты китайских и японских дипломатических миссий в Россию в третьей четверти XIX в.: коммуникационный код социокультурного взаимодействия // Вестник Санкт-Петербургского университета Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 3–12.
5. *Самойлов Н.А.* Малоизвестные страницы российско-китайских отношений. Визит посольства Цинской империи в Санкт-Петербург в 1870 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 1. С. 116–121.
6. *Филитов С.В.* США: иммиграция и гражданство. М.: Наука, 1973.
7. *Brady T.* Anson Burlingame: Diplomat, Orator // Journal of Aviation/Aerospace Education & Research. 1997. Vol. 7. P. 15–23 // URL: <http://commons.erau.edu/jaer/vol7/iss2/4/>
8. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Санкт-Петербургский Главный архив. I-6, оп. 5 (1867–1871), д. 1.

*E.I. Nesterova**

Chinese Embassy visit to Russia in 1870 and prospects of Russian-Chinese relations development (based on the documents of RI Foreign Policy Archive)

ABSTRACT: The paper deals with the little-known facts of the Chinese Embassy visit to Russia in 1870.

KEYWORDS: Burlingame, Zhi Gang, Sun Jiagu, Chinese Embassy, Russian-Chinese relations.

* Nesterova Elena Ivanovna, PhD (History), associate professor of the Chair of history and theory of culture of the Sociocultural researches department, RGGU, Moscow, Russia; E-mail: blb1@mail.ru